

За бой неравный – шпоры от пехоты

Как артиллерист из Алексеевки получил самую дорогую и необычную награду

ОГОНЬ, БАТАРЕЯ! В Алексеевском краеведческом музее хранится уникальный экспонат – кавалерийские шпоры, принадлежавшие когда-то участнику Великой Отечественной войны Борису Васильевичу Синёву. Он служил в артиллерии, а шпоры оказались у него после одного памятного боя, который описал в своих воспоминаниях и передал сотрудникам музея в 1977 году.

ВЛАДИМИР ПИСАХОВ (ТЕКСТ И ФОТО)

500 ФАШИСТОВ НА ВЫСОТКЕ

Главный хранитель фондов Алексеевского краеведческого музея **Любовь Ходыкина** бережно достаёт из стеклянного ящика фронттовую реликвию, не единожды побывавшую в кровопролитных сражениях, и рассказывает о боевом пути прославленного земляка, закончившемся в 1945 году в Берлине. Один из самых ярких эпизодов военного лихолетья, как признавался сам Борис Васильевич, произошёл в августе 1943-го примерно в 30 километрах от города Дорогобужа. 82-я стрелковая дивизия тогда начала наступление и в первый же день вклинилась в расположение немецких войск – на четыре километра в глубину и на пять по фронту. **Борис Синёв** командовал артиллерийским дивизионом.

«Рано утром мы с командиром ба-

Справка БП

Борис Васильевич Синёв родился в 1913 году. Прошёл боевой путь от командира взвода отдельного артдивизиона до начальника штаба артбригады. Награждён орденами Красного Знамени (дважды), Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды (дважды), Отечественной войны (дважды), пятью медалями.

До войны работал счетоводом и бухгалтером на алексее-

«Рано утром мы с командиром батальона осматривали поле боя, находясь на наблюдательном пункте, — пишет в воспоминаниях гвардии подполковник Синёв. — Он был расположен на склоне большого холма. На запад от него простирается лощина, окаймлённая с юга и севера рощами. И мы увидели, как из рощи на опушку выходят немецкие солдаты — примерно 500 человек.

Фашисты не стали развёртываться в цепи, не построились в колонны и плотной толпой быстро пошли навстречу. На их пути — высотка, где находилось отделение советских солдат с пулемётом. Наши ребята открыли огонь, но почти сразу же по ним ударила немецкая артиллерия: несколько снарядов разорвались прямо на высотке и, видимо, повредили пулемёт, потому что он замолчал. С десяток солдат, вооружённых только винтовками, разумеется, не могли отразить атаку вражеского батальона и вынужденно отступили.

Дивизионная разведка позже выяснила, что прошедшей ночью немецкое командование перебросило к участку нашего наступления батальон мотоциклистов: он и рвался в тот день вперёд с задачей ударить по основанию клина и восстановить положение».

«Немцы уже недалеко от высотки, — читаю дальше записи Бориса Васильевича. — Она во время вчерашнего боя была обстреляна моими батареями. И я решил, когда немцы выйдут на неё, ударить по ним всем дивизионом. Подал команду, чтобы орудия навели на высотку, подготовили для стрельбы по 20 снарядов».

«СТРЕЛЯЙ БЫСТРЕЕ, КАПИТАН!»

У позиций советских подразделений уже свистели выпущенные оккупантами пули. От высотки до них — около 200 метров, рассчитал Борис Синёв, значит, через несколько минут они будут возле наблюдательного пункта. Когда 500 непрерывно стреляющим вражеским солдатам противостоят всего 15 человек, поневоле станет страшно. И алексеевцу тоже было не по себе, но показывать солдатам свою тревогу — последнее дело для командира.

«И спокойствие, и страх заразительны, легко передаются от одного человека к другому, быстро нарастают, — продолжает вспоминать события августа 43-го Борис Васильевич. — Чувство долга помогает мне сохранять полное внешнее спокойствие и даже даёт силу естественно улыбаться и шутить с солдатами в минуты наибольшей опасности. Я и сейчас шучу, хотя на душе кошки скребут».

Самым трудным для командира артдивизиона было точно определить время открытия огня, ведь снаряды с момента подачи команды пролетят три-четыре километра, а немецкая колонна уже пройдёт какое-то расстояние. Важно учесть многие факторы, в том числе и площадь рассеивания снарядов. Синёв всё рассчитал: как только первые ряды вражеской колонны подойдут к кусту, стоявшему на пути дви-

До войны работал счетоводом и бухгалтером на алексеевских предприятиях, учителем начальных классов в селе Афанасьевке, завучем школы в селе Камызино. Преподавал математику в семилетней школе (ныне средняя школа №2 в г. Алексеевке), с 1959-го по 1973 год возглавлял Алексеевскую среднюю школу №1. Неоднократный чемпион Алексеевки по шахматам, победитель первенства Белгородской области. Умер 5 февраля 2001 года. Похоронен в Алексеевке.

жения, он командует «Огонь!». Ни раньше ни позже.

«Сотни вражеских солдат идут прямо на нас. Наблюдаю за ними. И вспомнилось мне, как до войны я смотрел кинофильм «Чапаев», когда пулемётчица Анка ждала момента для открытия огня, — пишет далее фронтовик. — Нервы напрягались, не выдерживали, хотелось из зрительного зала крикнуть чапаевской пулемётчице: «Скорее же открывай огонь!» Теперь и я испытываю такое чувство, но усиленное во много раз».

Комбат старший лейтенант Григорьев подошёл к Синёву и предложил открыть огонь немедленно — мол, всех немцев всё равно не уничтожить, и оставшиеся в живых через несколько минут будут уже здесь. «Стреляй быстрее, капитан, помолоти их, сколько возможно, и будем отходить, пока не поздно. Промедлим — погибнем», — сказал Григорьев. Борис Васильевич не стал рисковать, решил подождать, хотя очень тревожила мысль: а вдруг внезап-

но прервётся радиосвязь с батареями и радисты не смогут передать его команду?

ПОЛУЧИЛОСЬ КАК В КИНО

Голова немецкой колонны тем временем вышла на гребень высотки. Теперь и им видны позиции советских солдат, и они усиливают автоматный огонь. Артиллерист ждал. И боковым зрением видел всех, кто находился на наблюдательном пункте: солдаты готовы начать бой и с недоумением смотрят на Синёва — ведь немцы уже на высотке.

«Стрелять ещё рано. Колонна немцев подойдёт к намеченному мной рубежу через несколько секунд, и чтобы не подать команду раньше, медленно считаю: раз, два, три... десять! Вот теперь пора! — делится воспоминаниями алексеевец. — Я команду: «Дивизион, беглый огонь!» Радист повторяет, как эхо, позывные батарей: «Воронеж, Курск, Орёл, беглый огонь!»

Через мгновение послышались пушечные и гаубичные выстрелы. На вы-

сотке в гуще немецких солдат один за другим взрывались снаряды. Заплы бешевали около трёх минут, а затем батареи доложили: «Воронеж отстрелялся», «Курск отстрелялся»... Высотку закрывало густое чёрное облако, а когда оно рассеялось, советским солдатам представила удивительная картина: несколько немцев быстро бежали с высотки в сторону рощи, откуда они вышли 10 минут назад.

«Какие-то секунды смотрим друг на друга с изумлением, и до нашего сознания, наконец, доходит истина: колонна из 500 фашистских автоматчиков уничтожена, — описывает дальнейшие события Борис Васильевич. — Все вздыхают с облегчением, улыбаются. Слышу возбуждённые возгласы: «Молодцы артиллеристы! Хорошо поработали!»

После боя связист вдруг крикнул: «Товарищ капитан, командир полка зовёт к телефону». В трубке наш земляк услышал голос майора Беликова: «Ты стрелял? Здорово получилось! Как в кино! Красивая стрельба!» А старший лейтенант Григорьев пожал Синёву руку и признался: «Не видел бы своими глазами, никогда бы не поверил, что такое может быть». И протянул шпоры, которые Борис Васильевич безуспешно просил у комбата днём раньше: «Бери в награду от благодарной пехоты».

«Эти шпоры я долгие годы хранил как память о том бое и особенно дорогую мне награду от пехоты. Теперь они в музее», — заканчивает своё повествование Борис Васильевич Синёв. БП